PG3321
.A47
A6
1910a

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

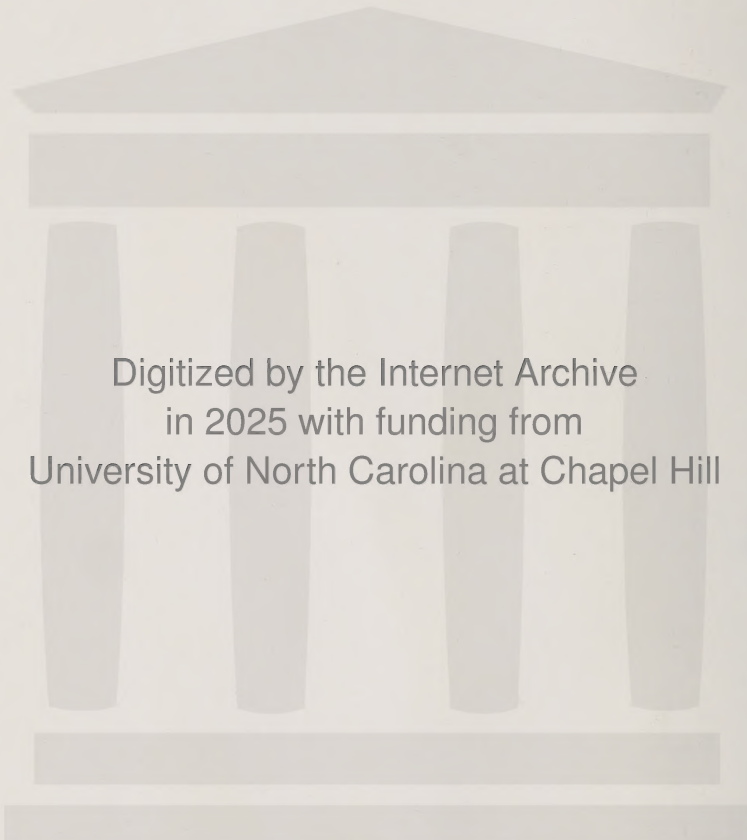
PG3321
.A47
A6
1910a

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00025042123

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JUL 6'86			
JAN 2 6 1990			
JAN 1 3'90			
JUL 2 1 2005			
JUL 1 2 2005			

Form No. 513.
Rev. 1/84


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vospominanestude00aksa

К. С. АКСАКОВЪ

(7 ДЕКАБРЯ 1860—7 ДЕКАБРЯ 1910)

PG3321
MC .A47
A6
1910a

ВОСПОМИНАНІЕ СТУДЕНТСТВА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПОРТРЕТА К. С. АКСАКОВА,
НЕИЗДАННАГО СТИХОТВОРЕНІЯ
И ОТКЛИКА А. И. ГЕРЦЕНА
НА ЕГО КОНЧИНУ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА
„ОГНИ"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

K. C. A.

VOSPOMINANIE
ВОСПОМИНАНИЕ
STUDENTSTVA
СТУДЕНТСТВА

1832–1835

LAKSAKOV
20086

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

1813

Воспоминаніе студентства» впервые было напечатано
здававшейся И. С. Аксаковымъ въ Москвѣ газетѣ «День»
862 годъ (№№ 39, 40). Редакція сопроводила это «вос-
наніе» слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Въ 1855 году, въ день празднованія столѣтняго юбилея
овскаго университета, нѣсколько бывшихъ студентовъ
мысли и предложенію К. С. Аксакова, собрались вечеромъ
домѣ Ю. Ѳ. Самарина и почтили память основанія уни-
ститета—личными воспоминаніями объ эпохѣ своего сту-
ства, которыя каждый заранѣе изложилъ письменно.
ще же была прочтена и статья К. С. Аксакова. Истори-
ий интересъ содержанія, простота изложенія, проникну-
теплымъ чувствомъ, озареннаго, такъ сказать, благодуш-
кроткой улыбкой воспоминанія, имя автора, заставляю-
орожить всѣмъ, что выходило изъ-подъ его пера, по-
дютъ насъ напечатать эту записку, несмотря на то, что
никогда не назначалась для печати. Читатели, безъ
нія, будутъ намъ благодарны».

Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда были
даны эти строки. Любящая рука сумѣла заключить въ
ньше все, что можно было сказать по существу о студен-
скихъ воспоминаніяхъ К. С. Аксакова.

Полвѣка назадъ—срокъ слишкомъ достаточный для того,
ы сообщить своеобразный историческій интересъ не

1210— 67

только разсказу Аксакова о годахъ его юности, но и той краткой и мѣткой характеристикѣ, которую мы привели выше. И несмотря на то, что эпоха первой половины тридцатыхъ годовъ была еще въ то время представлена многими живыми свидѣтелями и дѣятелями,—воспоминанія Константина Аксакова разсматривались уже тогда съ точки зрѣнія «историческаго интереса ихъ содержанія». Тѣмъ болѣе драгоцѣнными представляются они теперь, когда въ отдаленное, сравнительно, прошлое отошли отъ насъ старыя формы университетской жизни, въ атмосферѣ которыхъ вырабатывались первые запросы русской общественной мысли и намѣчались первые лозунги борьбы за общечеловѣческіе и культурно-національные идеалы. На суровомъ и жесткомъ фонѣ Николаевской эпохи воспоминанія К. С. Аксакова о годахъ, проведенныхъ подъ университетской сѣнью, кажутся живыми, не вянущими цвѣтами высокаго юношескаго идеализма. Тайна ихъ прелести — энтузіазмъ чистой и кроткой души, горѣвшей любовью къ людямъ, неустанно искавшей истины въ ея приложеніяхъ ко благу родной земли.

Объ этомъ благѣ К. С. Аксаковъ иначе мыслилъ, чѣмъ бывшій одновременно съ нимъ въ университетѣ А. И. Герценъ. Но Герцену Аксаковъ представлялся однимъ изъ тѣхъ «противниковъ», которые, по его дивному признанію, были для него и его единомышленниковъ «ближе многихъ своихъ». И когда 7 декабря 1860 г. этого «противника» не стало, Герценъ выразилъ свою скорбь въ тѣхъ трогательныхъ и простыхъ словахъ, какія умѣетъ находить для себя только свободная отъ всего, сустнаго истинно-братская любовь.

И мы присоединяемъ эти слова къ настоящему изданію «воспоминанія студентства», видя въ нихъ лучшую дань признательной памяти — одного замѣчательнаго питомца московскаго университета—другому.

Приводимъ также по настроенію близкое къ «воспоминанію» и еще не бывшее въ печати стихотвореніе К. С. Аксакова, посвященное имъ Ник. Дм. Свербееву, стоявшему, по окончаніи университетскаго курса, у порога общественной и служебной дѣятельности *).

---

*) Свербеевъ, Николай Дмитріевичъ, старшій сынъ Дмитрія Николаевича (автора Записокъ, М. 1899) и Екатерины Александровны Свербеевыхъ, родился въ Кіевѣ 27 августа 1829 г. Окончивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету въ 1850 г., С. отправился въ Сибирь и служилъ тамъ при графѣ Н. Н. Муравьевѣ. 2 декабря 1851 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ Якутскѣ и дважды ѣздилъ, по дѣламъ службы, въ Удскій округъ. Эти поѣздки описаны имъ въ двухъ „Сибирскихъ письмахъ“: первое напечатано въ №№ 111 и 112 Московскихъ Вѣдомостей 1852 г., второе въ Вѣстникѣ Имп. Росс. Географ. Общества 1853 г., ч. 8, стр. 95—109. Въ январѣ 1853 г. С. вернулся на службу въ Иркутскъ, въ 1854 и 1855 гг. сопровождалъ гр. Муравьева въ двухъ Амурскихъ экспедиціяхъ и принималъ участіе, въ качествѣ секретаря по дипломатической части, въ переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ. Въ концѣ 1856 г. возвратился въ Москву; 9 декабря 1860 г. умеръ въ Орлѣ. Былъ женатъ на дочери декабриста кн. Сергѣя Петровича Трубецкого, Зинаидѣ Сергѣевнѣ (Сочиненія А. С. Хомякова, М. 1900, т. VIII, стр. 426, прим. издателя).

Константинъ Аксаковъ.

Н. Д. СВЕРБЕЕВУ.

Едва ты юности коснулся,
Едва волненій полный свѣтъ
Передъ тобою распахнулся
И шлетъ обычный свой привѣтъ,—
Въ твои года, когда ты молодъ,
И бодръ, и силами богатъ,—
Непостижимъ твой сердца холодъ
И равнодушный, вялый взглядъ.
Къ чему несовременный опытъ
Къ душѣ заранѣ прививать?
Восторгъ похвалъ, хуленья ропотъ
Въ груди насильно заглушать?
Умѣй понять своевременность,
Искусственность далеко кинь;
Увидишь, можетъ быть, ты бренность
Измѣной созданныхъ твердынь:
Не тамъ, гдѣ громко, многолюдно,
Гдѣ блещетъ блескъ и шумъ шумитъ,
Гдѣ все великолѣпно, чудно,
Гдѣ все незыблемымъ глядитъ,
Гдѣ горделиво тяготѣетъ
Полутораталѣтній плѣнъ,—
Не тамъ, и не оттуда вѣетъ
Духъ новыхъ, будущихъ временъ,—
То ночь, горящая огнями,
При звукѣ непристойныхъ лиръ,
И солнца первыми лучами
Тотъ пышный постыдится пиръ...
Но тамъ, гдѣ тихо слышно слово,
Гдѣ нѣтъ ни копій, ни мечей,—
Тамъ возрастаетъ сѣмя ново,
Залогъ иныхъ, грядущихъ дней;
Но тамъ, гдѣ ветхая лачуга,
Гдѣ обитаетъ честный трудъ,
Гдѣ сталь косы, серпа и плуга,
Гдѣ пѣсни старыя поютъ;
Куда не вкралася измѣна
И не вошли ея дары;
Гдѣ только цѣпь чужого плѣна,
А не богатство и пиры:—
Оттуда духъ грядущей жизни
Возникнетъ, полный силъ младыхъ,
Подастъ свободу вновь отчизнѣ

И разорветъ оковы ихъ!
Среди насмѣшки и сомнѣнья
Благое дѣло возстаетъ,
И поколѣнью поколѣнье
Свой славный трудъ передаетъ.
И чувство въ насъ проснулось снова,
И древній голосъ слышенъ вновь,
Произнеслось живое слово:
Измѣну побѣдитъ любовь.
Спадаетъ съ каждымъ часомъ болѣ
Съ очей густая пелена,
И богатырь выходитъ въ поле,
Отъ долгаго очнувшись сна.
И жизнь, и трудъ, и умъ народа
Стрясаютъ цѣпь и долгой плѣнъ
Былыхъ, но памятныхъ временъ.
Быть можетъ, время недалече,
Когда, принявъ свой мощный видъ,
Какъ море, заколеблясь, вѣче
Заговоритъ и зашумитъ.
И ты-ль предъ добрымъ начинаньемъ,
Боясь насмѣшки и труда,
Пребудешь, чуждый ожиданьямъ,
Теряя юные года?
Не бойся полюбить сверхъ мѣры;
Ты молодъ, надо не робѣть—
Принять и трудъ, и силу вѣры
И въ добромъ дѣлѣ не слабѣть.
Еще совѣтъ: насмѣшку далѣ
Гони; она всего вреднѣй;
И, властелинъ ея вначалѣ,
Ты покоришься передъ ней.
Она смутитъ твою святыню,
На все свою накинетъ цѣпь,
И душу обратитъ въ пустыню,
Въ безплодную, сухую степь.
Но я надѣюсь, Богъ съ тобою,
Ты одолѣешь вражій строй
Душой правдивой и простою,
Глубокой сердца добротой.
Такъ съ Богомъ, доблестно и смѣло,
Сомнѣнье прочь!—иди на брань,
За земское святое дѣло
Неколебимо, твердо стань!

Константинъ Аксаковъ.

ВОСПОМИНАНІЕ СТУДЕНТСТВА

1832—1835 годовъ.

Я поступилъ въ студенты 15 лѣтъ прямо изъ родительскаго дома. Это было въ 1832 году. Переходъ былъ для меня очень рѣзокъ. Экзаменъ, публичный экзаменъ,—экзаменъ, явленіе доселѣ для меня незнакомое, казался для меня страшенъ. А я притомъ съ моимъ Азомъ долженъ былъ первый открывать всякой разъ рядъ экзаменующихся.—Но все прошло благополучно, и моя крайняя застѣнчивость не обратилась для меня въ помѣху къ поступленію въ университетъ.

Въ мое время полный университетскій курсъ состоялъ только изъ трехъ лѣтъ или изъ трехъ курсовъ. Первый курсъ назывался приготовительнымъ и былъ отдѣленъ отъ двухъ послѣднихъ. Я поступилъ въ словесное отдѣленіе, которое въ это время было, сравнительно, довольно многочисленно. На первомъ курсѣ словеснаго отдѣленія было насъ человѣкъ 20—30. Въ назначенный день собрались мы въ аудиторію, находившуюся въ правомъ боковомъ зданіи стараго университета и увидали другъ друга въ первый разъ: во время экзаменовъ мы почти не замѣтили другъ друга. Тутъ молча почувствовалось, что мы товарищи,—чувство для меня новое.

Въ эпоху студентства, о которой говорю, первое, что обхватывало молодыхъ людей, это общее веселіе

молодой жизни, это чувство общей связи товарищества; конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни; но въ тоже время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины. Такъ, вѣроятно, было всегда, при всякихъ подобныхъ условіяхъ, но не знаю, такъ ли бываетъ теперь въ университетѣ. Не всѣ мои товарищи способны были понимать истину и даже цѣнить ее; но всѣ были *точно* молоды, не по одному числу лѣтъ; всѣ были постоянно шумны и веселы; ни одного не было ни истощеннаго, ни вытертаго; не было ни свѣтскаго тона, ни житейскаго благоразумія. Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна *молодость человѣка*, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента [1]).

Право, кажется мнѣ, что главная польза такого общественнаго воспитанія заключается въ общественной жизни юношей, въ товариществѣ, въ студенствѣ самомъ. Не знаю, какъ теперь, но мы мало почерпнули изъ университетскихъ лекцій и много вынесли изъ университетской жизни. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость, и хотя собственно товарищи мои ничѣмъ не сдѣлались замѣчательны,—кто знаетъ даже, къ какому опошляющему состоянію нравственному могли довести обстоятельства потерянныхъ мною изъ виду,—но живое это время, думаю я, залегло въ ихъ душу освѣжительнымъ, под-

[1]) Именно университетомъ и студенчествомъ, ибо училище заключившее въ себѣ всѣ часы воспитанниковъ, лишаетъ ихъ той свободы, которая дается соединеніемъ лишь во имя науки, которая поддерживается тѣмъ, что всякій товарищъ ведетъ свою самостоятельную жизнь.

держивающимъ *основаніемъ*. Вообще, не худо, чтобы молодые люди, проходя свое воспитаніе, пожили вмѣстѣ, какъ живутъ студенты; но это свободное общежитіе тогда получаетъ свою цѣну, когда истина постоянно свѣтитъ молодому уму и только ждетъ, чтобы онъ обратилъ на нее свои взоры. Значеніе университетскаго воспитанія можетъ быть огромно въ жизни цѣлой страны: съ одной стороны—играющая молодая жизнь, какъ цѣлое общество, въ союзѣ юныхъ нравственныхъ силъ, жизнь, не стѣсняемая форменностью, не гнетомая внѣшними условіями; съ другой стороны—истина, грѣющая этотъ союзъ, предлагаемая, но не навязываемая никому. Хорошо бы это могло быть!

Въ мое время цѣль эта достигалась съ одной стороны: именно со стороны студентства. Жизнь молодости точно играла съ оттѣнкомъ легкаго, безобиднаго буйства и проказливости. Форменности почти не было; она начинала вводиться, правда, но еще очень легко. Съ другой стороны, со стороны профессорства, цѣль эта достигалась большею частію весьма слабо,— и очень тускло и холодно освѣщало наши умы солнце истины; но живыя, неподавленныя силы наши находили къ ней дорогу.

Грубыя шутки, дикія буйныя выходки студентовъ, бывшія нѣкогда, давно миновали. Время смягчаетъ нравы; студентская свобода не исчезла, но молодость уже не увлекалась, какъ прежде, однимъ кипѣньемъ крови, болѣе и болѣе слыша въ себѣ умственныя и нравственныя силы. Живость молодости высказывала себя въ болѣе шутливыхъ продѣлкахъ, мало по малу исчезавшихъ въ свою очередь. Когда я поступилъ на первый курсъ, еще слышались и повторялись разсказы между студентами о недавнихъ проказахъ, довольно добродушныхъ, случившихся только что передо мною и при мнѣ уже не повторявшихся; и эти проказы, хотя такъ недавно происходившія, становились уже очевидно преданіемъ.

Разсказывали, что не задолго передъ моимъ вступленіемъ, однажды, когда Побѣдоносцевъ, который читалъ лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію, студенты закутались въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщаемой лампою, и,—только показался Побѣдоносцевъ,—грянули: „се женихъ грядетъ во полунощи“. Разсказывали, что Заборовскій, бывшій еще въ это время въ университетѣ, принесъ на лекцію Побѣдоносцева воробья и во время лекціи выпустилъ его. Воробей принялся летать, а студенты, какъ бы въ негодованіи на такое нарушеніе приличія, вскочили и принялись ловить воробья; поднялся шумъ, и остановить ревностное усердіе было дѣло не легкое. Всѣ эти шутки могли бы имѣть свою жестокую сторону, еслибъ Побѣдоносцевъ былъ человѣкомъ жалкимъ и смирнымъ; но онъ, напротивъ, былъ не таковъ: онъ бранился съ студентами, какъ человѣкъ стараго времени, говорилъ имъ *ты*; они не оскорблялись, не отвѣчали ему грубостями, но забавлялись отъ всей души его гнѣвомъ.

На первомъ курсѣ я засталъ еще Побѣдоносцева, преподававшаго риторику, по старинным преданіямъ, довольно скучно. „Ну что, Аксаковъ, когда же ты мнѣ хрійку напишешь,“—говорилъ бывало Побѣдоносцевъ. Студенты, нечего дѣлать, подавали ему хрійки. Кромѣ Побѣдоносцева, были у насъ профессорами: богословія Терновскій, Латинскаго языка Кубаревъ, Греческаго Оболенскій, Нѣмецкаго Герингъ, Французскаго Куртенеръ, географіи Коркуновъ; Гастевъ читалъ какую-то смѣсь статистики, исторіи, геральдики и еще чего-то. Лекціи богословія читались самымъ схоластическимъ образомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ меня довольно интересовали. Отъ времени до времени подымался какой-нибудь студентъ, обыкновенно духовнаго званія, и, по обычаю семинаріи, начиналъ съ Терновскимъ діалектическій споръ, который Терновскій поддерживалъ, иногда съ досадою,—но обычай продол-

жался. Обыкновенно Терновскій заставлялъ кого-нибудь изъ студентовъ повторять содержаніе прошедшей лекціи.—Кубаревъ, съ кругленькой головой и вообще весь кругленькій, переводилъ съ нами медленно и внятно, выговаривая слова тихенькимъ голоскомъ своимъ, Тита Ливія,—и только. Гастевъ, Коркуновъ были люди молодые тогда, но совершенно безцвѣтные. Куртенеръ толковалъ о participe présent, Герингъ переводилъ хрестоматію, въ которую входили и стихотворенія Шиллера, Гете и другихъ. Оболенскій переводилъ съ нами Гомера. Оболенскій былъ очень забавенъ; онъ былъ небольшаго роста и съ весьма важными пріемами; голосъ его, иногда низкій, иногда переходилъ въ очень тонкія ноты. Онъ переводилъ съ нами Гомерову Одиссею.

Ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα...

Трехтысячелѣтняя рѣчь божественнаго Гомера раздавалась въ Москвѣ, на Моховой, въ аудиторіи Московскаго университета передъ Русскими юношами, обращавшими больше вниманія на смѣшную фигуру профессора, чѣмъ на дивныя слова Одиссеи. Обыкновенно профессора наши переводили сами, и переводящему студенту оставалось только искусно повторять слова профессора, чтобъ не обратиться въ совершеннаго слушателя.

Странное дѣло! Профессора преподавали плохо, студенты не учились и скорѣе забывали, что знали прежде: но души ихъ, не подавленныя форменностью, были раскрыты,—и безсмертныя слова Гомера, возносясь надъ профессоромъ и надъ слушателями, говорившія краснорѣчиво сами за себя,—и полныя глубокаго значенія выраженія богословія,—и событія историческія, выглядывавшія съ своимъ величіемъ даже изъ лекцій Гастева, и вдохновенныя рѣчи Шиллера и Гете, переводимыя Герингомъ,—падали болѣе или менѣе сознательно, болѣе или менѣе сильно, въ раскрытыя души юношей—лишь бы они только не противились

впечатлѣнію—нерѣдко не замѣчавшихъ пріобрѣтенія ими внутренняго богатства! Впрочемъ, я собственно давно уже читалъ поэтовъ; я прочелъ еще прежде всю Иліаду въ переводѣ Гнѣдича съ невыразимымъ наслажденіемъ, и думаю, что свобода студенческихъ моихъ занятій, не давъ мнѣ много свѣдѣній положительныхъ, много принесла мнѣ пользы, много просвѣтила меня и способствовала самостоятельной дѣятельности мысли. Что же было бы, еслибъ, при этой свободѣ студенческой университетской жизни, было у насъ живое, глубокое слово профессора!

Нашъ курсъ, впрочемъ, не очень былъ замѣчателенъ относительно личности студентовъ. Желая поскорѣе осуществить юношеское товарищество на дѣлѣ, я выбралъ четырехъ изъ товарищей, болѣе другихъ имѣвшихъ умственные интересы, и заключилъ съ ними союзъ. Это были: Бѣлецкій изъ Вильны, называемый обыкновенно паномъ, Тепловъ, Дмитрій Топорнинъ и Соминъ. Я немедленно написалъ стихи друзьямъ, кажется—такого содержанія:

Друзья, садитесь въ мой челнокъ,
И вмѣстѣ поплывемъ мы дружно.
Стрѣлою насъ помчитъ потокъ:
Весла и паруса не нужно.
Вы видите въ дали валы,
Сѣдыя водныя громады;
Тамъ скрыты острыя скалы,—
То моря грознаго засады...

Далѣе не помню. Эти стихи были потомъ положены на музыку Тепловымъ. Бѣлецкій былъ человѣкъ очень образованный и умный, съ глубокимъ сосредоточеннымъ жаромъ, читавшій съ восторгомъ Мицкевича; что съ нимъ сдѣлалось потомъ—я не знаю. Я долженъ признаться, что мои друзья не соотвѣтствовали всей мѣрѣ моихъ требованій; но это уже вопросъ личности; разница, вытекающая отсюда, непремѣнно явится всегда; это уже не вина свободной студенческой жизни;

кто не пошелъ впередъ, когда путь не загражденъ, уже самъ виноватъ.

На первый курсъ поступили къ намъ студенты, присланные, кажется, изъ Витебской гимназіи; всѣ они были очень хорошо приготовлены. Я познакомился со всѣми съ ними и былъ съ ними въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Въ числѣ ихъ былъ Коссовичъ. Онъ хорошо зналъ требуемые въ университетѣ языки, но филологическое его призваніе еще не опредѣлялось тогда ясно. Онъ былъ неловокъ; его рѣчь, его пріемы были оригинальны, ходилъ онъ какъ-будто запинаясь, говорилъ скоро, спѣшилъ и часто вмѣсто одного слова приводилъ нѣсколько синонимовъ. Однажды Герингъ заставилъ его переводить. Коссовичъ подошелъ къ каѳедрѣ и пустился громко и поспѣшно переводить, стараясь выражать Нѣмецкія слова на Русскомъ языкѣ нѣсколькими синонимами. Я помню, какъ переводя Нѣмецкое: *ziehen*, Коссовичъ сказалъ: *идутъ, тянутся, стремятся.* Студенты невольно смѣялись, но всѣмъ было ясно, что Коссовичъ славно знаетъ языкъ.

Студенты не были точны въ посѣщеніи лекцій. Я помню, что однажды, передъ лекціею Оболенскаго, я ушелъ изъ аудиторіи, оставивъ ее полною студентовъ; возвратясь, я нашелъ ее пустою. Не зная, что это значитъ, я оставался на своей скамьѣ; на другой сторонѣ былъ студентъ Окатовъ, съ которымъ я почти не былъ знакомъ. Вдругъ входитъ Оболенскій, потомъ за нимъ ректоръ Двигубскій. Увидавъ только двухъ студентовъ, Двигубскій разсердился и напалъ на насъ за то, что студенты не ходятъ на лекціи.—На другой, кажется, день студенты, собравшись, объявили меня правымъ, ибо я не былъ тутъ, какъ сговаривались они уйти съ лекціи Оболенскаго,—и обвинили Окатова, который тутъ былъ и это зналъ. Въ этомъ сужденіи, подъ видомъ товарищества, высказывалась связь общаго союза,—одна изъ великихъ нравственныхъ силъ; новая для меня, она живо чувствовалась мною,

и я понималъ, что хорошо стоять другъ за друга и быть какъ одинъ человѣкъ.

Считаясь порядочнымъ эллинистомъ, я обращалъ на себя вниманіе Оболенскаго, долженъ былъ чаще другихъ переводить Гомера и слушать внимательно его объясненія. Однажды на лекціи, очень серьезно, я вздумалъ предложить ему вопросъ; какимъ образомъ согласить въ древнихъ стихахъ удареніе съ протяженіемъ, какъ, скандуя стихъ, удержать удареніе, которое не совпадаетъ съ скандовкой?—Оболенскій отвѣчалъ:—а, это-съ лучше всего объясняется пѣніемъ, и запѣлъ. Я былъ не радъ, что предложилъ вопросъ. Оболенскій запѣлъ такимъ голосомъ и съ такою печально-торжественною миною, что просто не было почти никакой возможности удержаться отъ смѣха. Смѣхъ самый безумный, гомерическій, готовъ былъ ежеминутно овладѣть нами, громко вырваться и огласить всю аудиторію,—и этотъ-то смѣхъ надо было подавлять величайшими усиліями. Студенты, удерживаясь отъ смѣха и мучась, кидали на меня яростные взгляды. Я, вызвавшій этотъ профессорскій отвѣтъ, долженъ былъ и обратить на него больше вниманія. Для меня пѣлъ Оболенскій, каково же мнѣ было?— Я былъ тогда очень смѣшливъ, и когда Тепловъ проговорилъ подлѣ меня шепотомъ: „точно колодники подъ окнами,“ —я не знаю, какъ я удержался. Наконецъ Оболенскій пересталъ пѣть; наконецъ лекція окончилась; профессоръ ушелъ. Товарищи напали на меня дружно. „Что тебѣ вздумалось просить пѣть Оболенскаго, что ты съ нами надѣлалъ?“ говорили они со смѣхомъ. Я смѣялся не меньше ихъ.

Кромѣ экзаменовъ у насъ были репетиціи, и на нихъ основывали профессора наиболѣе свое мнѣніе о студентахъ. Терновскій, репетируя, вызывалъ обыкновенно къ каѳедрѣ. Однажды на репетиціи онъ вызвалъ меня такимъ образомъ и спросилъ о раѣ. Отвѣчая, я сказалъ о древѣ жизни и прибавилъ: „но вѣдь это древо

надо понимать только, какъ аллегорію".—„Какъ аллегорію?" сказалъ Терновскій; „почему вы такъ думаете?"—„Древо жизни", отвѣчалъ я, „было прообразованіемъ Христа".—„Оно было прообразованіемъ; но это не значитъ, чтобъ оно не существовало", замѣтилъ Терновскій. Однако, за этотъ отвѣтъ, Терновскій поставилъ мнѣ 3, а не 4.—Въ наше время 4 былъ высшій балъ.

Я разсказываю всѣ эти случаи, какъ характеризующіе эпоху больше или меньше.—Не думаю, чтобъ что-нибудь подобное могло имѣть мѣсто теперь въ университетѣ.

Я сказалъ, что курсъ нашъ былъ не замѣчателенъ личностями и что онъ не удовлетворялъ моимъ духовнымъ потребностямъ. Еще будучи на первомъ курсѣ, познакомился я черезъ Дмитрія Топорнина съ Станкевичемъ, бывшимъ на второмъ курсѣ. Когда-нибудь надѣюсь написать все, что знаю объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, но теперь я удерживаюсь воспоминаніемъ собственно студенческой жизни. У Станкевича собирались каждый день, дружные съ нимъ, студенты его курса, и кромѣ ихъ, вышедшіе прежде нѣкоторые его товарищи, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ Ключниковъ; въ первый разъ, также, видѣлъ я тамъ Петрова (санскритолога) и Бѣлинскаго. Кружокъ Станкевича былъ замѣчательное явленіе въ умственной исторіи нашего общества. Но здѣсь объ немъ я упомяну также мелькомъ, надѣясь написать когда-нибудь, сколько можно подробнѣе, исторію этого кружка въ теченіи цѣлыхъ семи лѣтъ. Въ этомъ кружкѣ выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ,—воззрѣніе большею частію отрицательное. Искусственность Россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, поро-

дило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то, и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей. Какъ всегда бываетъ, отрицаніе лжи доводило и здѣсь до односторонности; но, надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападеніе на претензію, иногда даже и тамъ, гдѣ ея не было,—не переходило само въ претензію, какъ это часто бываетъ, и какъ это было въ другихъ кружкахъ. Одностороннѣе всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще довѣрчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многаго не передумавшій, еще со многимъ не уравнявшійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ оно часто было больно; въ особенности больны были мнѣ нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ. Мое отношеніе и мое мѣсто въ этомъ кружкѣ принадлежитъ къ исторіи самаго кружка, и потому до этого я здѣсь не касаюсь.—Второй курсъ, въ противоположность нашему первому, былъ богатъ людьми болѣе или менѣе замѣчательными. Станкевичъ, Строевъ, Красовъ, Бодянскій, Ефремовъ, Толмачевъ принадлежали къ этому курсу.

Кружокъ Станкевича, въ который, какъ сказалъ я, входили и другіе молодые люди, отличался самостоятельностью мнѣнія, свободною отъ всякаго авторитета, позднѣе эта свобода перешла въ буйное отрицаніе авторитета, выразившееся въ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго,—слѣдовательно перестала быть свободною, а, напротивъ, стала отрицательнымъ рабствомъ. Но тогда это было не такъ. Односторонность и несправедливость были и тогда, происходя, какъ невольное

слѣдствіе, отъ излишества стремленія, но это не было разъ принятою оппозиціею, которая есть дѣло вовсе не мудреное. Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни, не любилъ ни вина, ни пирушекъ, которыя если случались, то очень рѣдко,—и что всего замѣчательнѣе, кружокъ этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фрондёрства, ни либеральничанья, боясь, вѣроятно, той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего; даже вообще, политическая сторона занимала его мало; мысль же о какихъ-нибудь кольцахъ, тайныхъ обществъ и проч., была ему смѣшна, какъ жалкая комедія. Очевидно, что этотъ кружокъ желалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Это стремленіе, осуществляясь иногда односторонно, было само въ себѣ справедливо и есть явленіе вполнѣ Русское. Насмѣшливость и иногда горькая шутка часто звучали въ этихъ студенческихъ бесѣдахъ. Такой кружокъ не могъ быть увлеченъ никакимъ авторитетомъ. Опредѣляя этотъ кружокъ, я опредѣляю всего болѣе Станкевича, именемъ котораго по справедливости называю кружокъ; стройное существо его духа удерживало его друзей отъ того легкаго рабскаго отрицанія, къ которому человѣкъ такъ охотно бѣжитъ отъ свободы, и когда Станкевичъ уѣхалъ за-границу,—быстро развилась въ друзьяхъ его вся ложь односторонности, и кружокъ представилъ обыкновенное явленіе крайней исключительности. Станкевичъ самъ былъ человѣкъ совершенно простой, безъ претензіи, и даже нѣсколько боявшійся претензіи, человѣкъ необыкновеннаго и глубокаго ума; главный интересъ его была чистая мысль. Не бывши собственно діалектикомъ, онъ въ спорахъ такъ строго, логически и ясно говорилъ, что самые щегольскіе діалектики, какъ Надеждинъ и Бакунинъ, должны были ему уступать. Въ существѣ его не было односторонности; искусство, красота, изящество много для него значили. Онъ имѣлъ сильное значеніе въ своемъ кругу, но это зна-

ченіе было вполнѣ свободно и законно, и отношеніе друзей къ Станкевичу, невольно признававшихъ его превосходство, было проникнуто свободною любовью, безъ всякаго чувства зависимости. Скажу еще, что Бакунинъ не доходилъ при Станкевичѣ до крайне безжизненныхъ и бездушныхъ выводовъ мысли, а Бѣлинскій еще воздерживалъ при немъ свои буйныя хулы. Хотя значеніе церкви не раскрылось еще Станкевичу, по крайней мѣрѣ до отъѣзда его за границу, но церковь, и еще семья, были для него святыней, на которую онъ не позволялъ при себѣ кидаться. Станкевичъ былъ нѣжный сынъ.—Кружокъ Станкевича продолжался и по выходѣ его и друзей его изъ университета; онъ имѣлъ свой ходъ и свое значеніе въ обществѣ. Послѣ него уже пошли эти безобразныя выходки. Но несмотря на всю стройность своего нравственнаго существа, на стремленіе къ свѣту мысли, истинной свободѣ духа, равно чуждой рабства и бунта, Станкевичъ не сталъ, по крайней мѣрѣ до отъѣзда за границу, на желанную высоту, и свобода вѣры, кажется, не была имъ достигнута.

Я увлекся; но этотъ кружокъ есть явленіе, вполнѣ принадлежащее Москвѣ и ея университету, возникшее въ ту эпоху, когда дикое буйство студенческой жизни, о которомъ доносятся отдаленныя преданія,—миновало, и когда замѣнялось оно стройною свободою мысли, еще не подавляемой форменностью.

Когда я поступилъ въ университетъ, форменность, какъ сказалъ я, начинала вводиться, но еще слабо; были мундиры и вицъ-мундиры (сюртуки), но можно было въ нихъ и не являться на лекцію. При моемъ вступленіи, начиналось требованіе, чтобы студенты ходили на лекцію въ форменномъ платьѣ; но я и на второмъ курсѣ видѣлъ иногда студентовъ въ платьѣ партикулярномъ. Въ первый годъ мы носили темнозеленые сертуки съ краснымъ воротникомъ (до насъ форма была синяя съ краснымъ воротникомъ); на слѣдующій годъ красный воротникъ замѣнило начальство синимъ. Сперва тре-

бовалось отъ насъ, чтобы мы были только въ университетѣ въ форменномъ платьѣ. Я помню, что я, еще во второй годъ своего студентства, былъ въ Собраніи во фракѣ и говорилъ тамъ съ Голохвастовымъ.— Потомъ, вводя форменность, нарисовали студентовъ на бумажкѣ, одного въ мундирѣ, другого въ виц-мундирѣ, раскрасили, вставили въ рамку и вывѣсили въ Правленіи для назиданія въ одеждѣ. Наконецъ призвали насъ въ Правленіе и объявили, чтобъ мы во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ являлись въ форменномъ платьѣ. Студенты повиновались, — и въ театрѣ, и въ собраніи появились студентскіе мундиры; но вездѣ, гдѣ можно, на вечерахъ и балахъ частныхъ и даже на улицахъ студенты носили партикулярное платье по произволу. Форменныя шинели и шубы не были положены, и мы носили шинели и шубы обыкновенныя.

Наступили переходные экзамены съ перваго курса на второй. Они сошли для меня довольно счастливо. На экзаменѣ у Терновскаго достался мнѣ вопросъ объ адѣ. Отвѣчая, я сказалъ про огненныя муки и прибавилъ, что было бы странно понимать этотъ огонь въ матеріальномъ значеніи, какъ огонь намъ извѣстный, но что это огонь не вещественный, что это муки совѣсти. Терновскій сталъ съ досадою возражать мнѣ, но тогдашній викарный Николай, присутствовавшій на экзаменѣ, остановилъ его, сказавъ: очень хорошо, отвѣтъ прекрасный. Терновскій долженъ былъ поставить мнѣ 4, лучшій балъ.

Я перешелъ на второй курсъ. Станкевичъ и его товарищи перешли на третій. Оба курса, второй и третій, слушали лекціи вмѣстѣ въ большой словесной аудиторіи, надъ дверью которой, золотыми буквами, какъ на смѣхъ было написано: *Словесное отдѣленіе*. Здѣсь слушали вмѣстѣ студентовъ сто. На второмъ и третьемъ курсѣ (лекціи были общія) были уже другіе профессоры, и изъ нихъ нѣкоторые—люди замѣчательные. На-

деждинъ читалъ здѣсь эстетику, Каченовскій—Русскую исторію. Впослѣдствіи явился Шевыревъ, пріѣхавшій изъ-за границы, и сталъ читать исторію поэзіи, и потомъ—Погодинъ, начавшій читать всеобщую исторію. Давыдовъ читалъ риторику и Русскую литературу. Латинскій языкъ читалъ Снегиревъ, греческій—Ивашковскій, нѣмецкій — Кистеръ, французскій — Декампъ, котораго обыкновенно называли: дѣдъ Кампъ.

Надеждинъ производилъ, съ начала своего профессорства, большое впечатлѣніе своими лекціями. Онъ всегда импровизировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго оцѣнивъ Надеждина, студенты его любили и, уже не увлекаясь, охотно слушали его рѣчь. Я помню, что Станкевичъ, говоря о недостаткахъ Надеждина, прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими лекціями, и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ. Тѣмъ не менѣе, благодарный ему за это пробужденіе, Станкевичъ чувствовалъ бѣдность его преподаванія. Надеждина любили за то еще, что онъ былъ очень деликатенъ съ студентами, не требовалъ, чтобъ они ходили на лекціи, не выходили во время чтенія, и вообще не любилъ никакихъ полицейскихъ пріемовъ. Это студенты очень цѣнили — и, конечно, ни у кого не было такой тишины на лекціяхъ, какъ у Надеждина. Обладая текучею рѣчью, закрывая глаза и покачиваясь на каѳедрѣ, онъ говорилъ безъ умолку, — и случалось, что проходилъ назначенный часъ, а онъ продолжалъ читать (онъ былъ крайнимъ). Однажды, до поступленія моего на второй курсъ, прочелъ онъ два часа слишкомъ,

и студенты не напомнили ему, что срокъ его лекціи давно прошелъ.

Во время втораго моего курса явился на каѳедрѣ Шевыревъ и читалъ вступительную лекцію. На этой лекціи было много постороннихъ слушателей; я помню Хомякова и другихъ.—Лекція Шевырева, обличавшая добросовѣстный трудъ, сильно понравилась студентамъ: такъ обрадовались они, увидя эту добросовѣстность труда и любовь къ наукѣ! Я помню, какое дѣйствіе произвели слова его на Станкевича, когда Шевыревъ произнесъ: „Честное занятіе наукою". — „Это ужъ не Надеждинъ", сказали студенты, „это человѣкъ, трудящійся и любящій науку". Послѣ лекціи къ Станкевичу подходилъ Ключниковъ.—Ты что мнѣ скажешь, спрашивалъ его Станкевичъ. Я не помню, что Ключниковъ сказалъ ему, но помню насмѣшливое выраженіе его лица.—Шевыревъ казался для студентовъ радостнымъ событіемъ,—но и тутъ очарованіе продолжалось не долго...

Погодинъ, занявъ при насъ каѳедру всеобщей исторіи (кажется, когда мы уже перешли на третій курсъ), тоже читалъ вступительную лекцію. Погодинъ говорилъ съ жаромъ, и хотя молодые люди были большею частью враждебно расположены къ нему, но мнѣ помнится, что эта лекція произвела выгодное и сильное впечатлѣніе. Богъ знаетъ, какъ умѣлъ Погодинъ, при столькихъ своихъ достоинствахъ, возстановлять противъ себя почти всѣхъ. Нападенія на него часто были несправедливы, но все же довольно дружно на него возставали. Мнѣ кажется, что главная причина—неумѣнье обращаться съ людьми.—Я помню, что и намъ однажды съ каѳедры сказалъ онъ, что мы мальчики или что-то въ этомъ родѣ,—аудиторія наша не вспыхнула, не зашумѣла на сей разъ, но слова эти оставили глубокій слѣдъ негодованія.—Впрочемъ, значеніе Погодина ясно опредѣлилось только впослѣдствіи, когда онъ получилъ каѳедру Русской исторіи. Я видѣлъ нѣкоторыхъ его

слушателей,—людей правдивыхъ и умныхъ,—благодарныхъ ему за лекціи Русской исторіи.

Въ наше время любили и цѣнили и боялись притомъ, чуть ли не больше всѣхъ,—Каченовскаго. Молодость охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе, — и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе во всѣхъ насъ. Строевъ, Бодянскій съ жаромъ развивали его мысль. Станкевичъ, хотя не занимался Русскою исторіею, но также думалъ. Я тоже былъ увлеченъ. На третьемъ курсѣ началъ я писать пародію: Олегъ подъ Константинополемъ, гдѣ утрировалъ мнѣніе, противоположное Каченовскому. Только впослѣдствіи увидалъ я всю неосновательность нашего историческаго скептицизма.—Я помню, какъ высоко ставилъ Каченовскій Москву, съ какой улыбкою удовольствія говорилъ онъ о ней, утверждая, что съ нея начинается Русская исторія. Его отзывы о Москвѣ были новою причиною моего къ нему сочувствія. Но самыя лекціи свои читалъ онъ довольно утомительно для слушателей. — Каченовскій былъ въ то же время очень забавенъ въ своихъ пріемахъ, и студенты самымъ дружескимъ и нѣжнымъ образомъ надъ нимъ подсмѣивались. Онъ являлся аккуратно въ назначенный часъ (промежутковъ между лекцій у насъ не было), и студенты говорили, что онъ самъ звонитъ. Не смотря на свою строгость, Каченовскій однакоже хорошо обращался съ студентами. Я помню, что онъ сказалъ на лекціи одному студенту, замѣтивъ въ немъ какую-то неисправность: „мил. гос., вы виноваты; если-бъ съ вами была ваша табель, я бы это отмѣтилъ“.—Между тѣмъ было приказано имѣть табель всегда съ собою. Мы оцѣнили его деликатность.

Студенты предшествующаго намъ курса хотѣли поднести золотую табакерку Каченовскому, но это, кажется, почему-то не состоялось. Станкевичъ, передъ своимъ выходомъ изъ университета, вздумалъ какъ-то

писать стихи къ профессорамъ, изъ которыхъ я помню нѣсколько. Вотъ четыре стиха, относящіеся къ Качеповскому:

За старину онъ въ бой пошелъ,
Надѣлъ заржавленныя латы,
Сквозь строй враговъ онъ насъ провелъ
И прямо вывелъ въ кандидаты.

Къ другому профессору.

Онъ (Качеповскій)—историческая мѣрка;
Тебѣ жъ что скажемъ, дураку?
Ему—въ три фунта табакерка;
Тебѣ—три фунта табаку...

О Давыдовѣ И. И. скажу только, что въ его напечатанномъ курсѣ есть слѣдующія слова: *о великихъ людяхъ пишемъ мы длинными стихами, потому что воображаемъ ихъ себѣ большаго роста.*

Изъ настоящихъ старыхъ профессоровъ былъ у насъ одинъ собственно—Сем. Март. Ивашковскій. Почти къ каждому слову говорилъ онъ: *будетъ*, что Бееръ называлъ: въ прикуску. Когда я поступилъ на второй курсъ, то былъ не мало удивленъ порядкомъ его лекцій, въ особенности первою лекціей. Идетъ Ивашковскій! сказалъ кто-то. Это ничего, отвѣчали старые студенты, онъ еще будетъ долго ходить по аудиторіи. И въ самомъ дѣлѣ: Ивашковскій явился, одинъ изъ студентовъ-эллинистовъ подошелъ къ нему, завелъ съ нимъ разговоръ, и Ивашковскій началъ ходить съ своимъ собесѣдникомъ взадъ и впередъ по одной половинѣ аудиторіи, а по другой расхаживали студенты. Съ полчаса продолжалась прогулка; наконецъ Ивашковскій сѣлъ на каѳедру, а студенты на лавки. Ивашковскій молчалъ долго, какъ будто собираясь и не рѣшаясь заговорить, наконецъ вдругъ сказалъ: „велѣно будетъ, всякому студенту будетъ, имѣть будетъ табель“, и опять замолчалъ и опять долго какъ бы не рѣшался заговорить; наконецъ сказалъ: „до слѣдующаго будетъ раза“, — и ушелъ. Всякая его лекція начиналась про-

гулкой, и для этого выбирался кто-нибудь изъ студентовъ-эллинистовъ. Читалъ Ивашковскій не больше получаса; лекція заключалась въ переводѣ греческихъ писателей. Ивашковскій кричалъ и переводилъ; кричалъ и переводилъ вслѣдъ за нимъ избранный студентъ, часто ничего не знавшій по гречески и иногда догадываясь весьма неловко. Я помню одинъ такой переводъ. „И взялъ его", кричалъ, переводя, Ивашковскій. „Взялъ его", повторилъ студентъ, и прибавилъ: „за волосы", какъ видно, лучше не догадавшись. Ивашковскій остановился: „гдѣ будетъ за волосы, тутъ нѣтъ будетъ за волосы", сказалъ онъ, и переводъ пошелъ своимъ порядкомъ въ два голоса. — Приведу кстати въ отрывкахъ стихи Ключникова о нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессорахъ.

. . . . . .
Въ немъ грудь полна стяжанья мукой,
Полна разсчетовъ голова,
И тащится онъ за наукой,
Какъ за Минервою сова.
Сквернитъ своимъ прикосновеньемъ
Науку Божію педантъ.
Такъ школьникъ тѣшится обѣдней,
Такъ негодяй оффиціантъ
Ломаетъ барина въ передней.

Или:

Учитель нашъ былъ истинный педантъ,
Сорокоумъ,—дай Богъ ему здоровья!
Манеры важныя,—что твой оффиціантъ,
А голосъ—что мычаніе коровье.
Къ тому жъ, талантъ, рѣшительный талантъ
Нѣтъ мало—даже геній пустословья:
Бывало, онъ часа три говоритъ
О томъ, кто постигаетъ, кто творитъ.

Двухъ первыхъ стиховъ слѣдующаго куплета не помню:

. . . . . .
. . . . . .
Возьмемъ, бывало, оду для примѣра
За голову и за ноги вдвоемъ,

И разберемъ по руководству Блера,
Въ ней недостатки и красы найдемъ,
Что худо въ ней, что хорошо,—оцѣнимъ,
Чего жъ недостаетъ—своимъ замѣнимъ.

На второмъ курсѣ я еще больше сблизился съ кружкомъ Станкевича и, долженъ признаться, поотдалился-таки отъ своихъ друзей-товарищей. — Кстати: Коссовичъ на второмъ курсѣ уединился отъ всѣхъ, не занимался университетскимъ ученьемъ, не ходилъ почти на лекціи; а когда приходилъ, то приносилъ съ собою книгу и не отнималъ отъ нея головы все время, какъ былъ въ аудиторіи. На него смотрѣли съ удивленіемъ, говорили: Коссовичъ не занимается; а онъ, между тѣмъ, глоталъ одинъ древній языкъ за другимъ.—Коссовичъ вступилъ на свою дорогу, филологическое призваніе заговорило въ немъ, и именно онъ трудился дѣльно и быстро себя образовывалъ. — Но, однако, Коссовичъ былъ оставленъ на второмъ курсѣ; впослѣдствіи, занявшись университетскими предметами, онъ безъ труда вышелъ кандидатомъ.

На вечерахъ у Станкевича выпивалось страшное количество чаю и съѣдалось страшное количество хлѣба. — Станкевичъ любилъ и зналъ музыку. Иногда мы пѣвали всѣмъ хоромъ; общею студентскою нашею пѣснью были стихи Хомякова изъ его трагедіи Ермакъ: *За туманною горою* и проч. — Станкевичъ былъ большой мастеръ передразнивать. Однажды, какъ-то, днемъ, на своей квартирѣ, передразнивалъ онъ Качановскаго, и въ это самое время Качановскій проѣхалъ мимо, по улицѣ.—Вотъ тебѣ разъ, сказалъ Станкевичъ, не видалъ ли онъ? — Ничего, братецъ, сказалъ Бодянскій, онъ подумалъ, что зеркало стояло.—Въ тѣ года только что появлялись творенія Гоголя; дышащія новою небывалою художественностью, какъ дѣйствовали они тогда на все юношество, и въ особенности на кружокъ Станкевича! Во время нашего студентства, вышло *Новоселье*, альманахъ; тамъ была повѣсть Гоголя: „О томъ, какъ

поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ". Помню я то впечатлѣніе, какое она произвела. Что можетъ равняться радостному сильному чувству художественнаго откровенія? Какъ освѣжало, ободряло оно души всѣхъ! какъ само постепенное появленіе изданій геніальнаго художника оживляло, двигало общество! Радъ я, что испыталъ и видѣлъ все это. Станкевичъ цѣнилъ очень вѣрно и тонко художественность Гоголя, особенно въ бездѣлицахъ.—Вскорѣ послѣ выхода его и моего изъ университета, Станкевичъ досталъ какъ-то въ рукописи *Коляску* Гоголя, вскорѣ потомъ напечатанную въ „Современникѣ". У Станкевича былъ я и Бѣлинскій; мы приготовились слушать, заранѣе уже полные удовольствія. Станкевичъ прочелъ первыя строки: „Городокъ Б. очень повеселѣлъ съ тѣхъ поръ какъ началъ въ немъ стоять кавалерійскій полкъ"... и вдругъ нами овладѣлъ смѣхъ, смѣхъ несказанный; всѣ мы трое смѣялись, и долго смѣхъ не унимался. Мы смѣялись не отъ чего-нибудь забавнаго или смѣшнаго, но отъ того внутренняго веселія и радостнаго чувства, которымъ преисполнились мы, держа въ рукахъ и готовясь читать Гоголя.—Наконецъ, смѣхъ нашъ прекратился, и мы прочли съ величайшимъ удовольствіемъ этотъ маленькій отрывокъ, въ которомъ, какъ и въ другихъ созданіяхъ Гоголя, и полнота и совершенство искусства.—Станкевичъ читалъ очень хорошо; онъ любилъ и комическую сторону жизни и часто смѣшилъ товарищей своими шутками.

Помню я нашу шумную аудиторію, помню это веселое товарищество, это юношество, не справляющееся ни о родѣ, ни о племени, ни о богатствѣ, ни о знатности, не хлопочущее о манерахъ, а постоянно вольно себя выражающее. Множество молодыхъ людей вмѣстѣ слышитъ въ себѣ силу, волнующуюся неопредѣленно и еще никуда не направленную. Иногда цѣлая аудиторія во 100 человѣкъ, по какому-нибудь пустому поводу, вся подниметъ общій крикъ, окна трясутся отъ

звука, и всякому любо: чувство совокупной силы выражается въ эту минуту въ общемъ громовомъ голосѣ. Почему не выразится оно иначе,—здѣсь не мѣсто говорить о томъ. Хорошо, что въ наше время оно хоть темно чувствовалось, хоть такъ выражалось. Помню я, какъ однажды узнали, что Каченовскій не будетъ. Каченовскій не будетъ! закричалъ одинъ студентъ; не будетъ! подхватилъ другой; не будетъ! закричали нѣсколько; не будетъ! загремѣла вся аудиторія, и долго гремѣла. Кто-то вошелъ въ калошахъ въ аудиторію. Долой калоши, à bas, à bas! раздалось дружно, и вошедшій поспѣшилъ скорѣе удалиться и скинуть калоши. Однажды Морошкинъ, читая въ политическомъ отдѣленіи, находившемся подъ нами, и услыша такой громъ, съострилъ, сказавъ, что грому прилично быть на Олимпѣ, а не на Парнасѣ. Юридическое отдѣленіе въ наше время называлось политическимъ и было очень плохо; „словесники“ питали великое презрѣніе къ „политикамъ“.

Не могу не разсказать про одинъ смѣшной случай, бывшій на лекціи у Надеждина. Онъ какъ-то вздумалъ сдѣлать репетицію и сталъ насъ спрашивать, спросилъ и Бодянскаго, сидѣвшаго на задней лавкѣ. Бодянскій поднялся и сталъ отвѣчать, какъ по книгѣ, и при этомъ безпрестанно опускалъ глаза на столъ. Студенты засмѣялись. „Онъ по книгѣ читаетъ“, замѣтили они другъ другу. Надеждинъ вѣроятно услыхалъ это, и самъ замѣтя книжный слогъ отвѣта, сказалъ, не смотря на свою деликатность: извините, г. Бодянскій, мнѣ кажется, вы по книгѣ читаете. Нѣтъ, отвѣчалъ Бодянскій, и спокойно продолжалъ свой отвѣтъ. Надеждинъ, смотря на его опускающіеся глаза и слыша постоянно ровный книжный языкъ, сказалъ: извините меня, г. Бодянскій, пожалуйте къ каѳедрѣ. Бодянскій замолчалъ, послышался стукъ и топотъ: это Бодянскій приближался къ каѳедрѣ, сталъ передъ нею и съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ свой отвѣтъ, точь въ точь,

какъ на задней лавкѣ. Сдѣлайте милость, извините меня, сказалъ Надеждинъ, прекрасно, прекрасно!

Бодянскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ, серьезно занимался исторіей, и теперь занимаетъ, въ области науки, всѣмъ извѣстное почетное мѣсто.

Между нами были еще студенты того прежняго буйнаго склада, о которыхъ мы знаемъ теперь только по преданію, какъ о старинѣ. Таковъ былъ К., часто пьяный, буйный, производившій драки и на улицахъ. У Шевырева была привычка, если кто зашумитъ на лекціи, обратиться къ лавкамъ и сказать: *а?* Разъ какъ-то, при К., онъ тоже, обратясь къ студентамъ, спросилъ: *а?—Бе*, отвѣчалъ ему К. громогласно. Шевыревъ смутился и не сказалъ ни слова. Былъ у насъ и студентъ другого рода, хохотунъ Ч., бравшій два платка съ собой на лекціи: одинъ, чтобъ утирать носъ, а другой, чтобъ затыкать ротъ, когда начнетъ смѣяться. Лекціи у насъ слѣдовали, безъ всякихъ промежутковъ, одна за другою, иногда продолжаясь шесть часовъ сряду. Это было очень утомительно. За Давыдовымъ слѣдовалъ Каченовскій, и студенты, зѣвая, спрашивали другъ друга: что это, слѣдствіе ли Давыдова, или предчувствіе Каченовскаго?

Я перешелъ на третій курсъ. Станкевичъ, Строевъ, Ефремовъ, Красовъ, Бодянскій вышли кандидатами, и аудиторія наша опустѣла. Студенты изъ перваго курса перешли на второй, но изъ нихъ не было никого, особенно замѣчательнаго. Замѣчательнѣе другихъ былъ Сазоновъ, перешедшій изъ другаго отдѣленія и принадлежавшій къ кружку Герцена, кружку совершенно иного склада, чѣмъ кружокъ Станкевича, кружку, любившему тогда эффекты и картинность. Сазоновъ былъ человѣкъ умный, но фразеръ и эффектеръ; онъ старался со мною сблизиться, желая сдѣлать изъ меня прозелита, чего ему однако не удалось. Дм. Топорнинъ, Толмачевъ, — были короче другихъ со мною. На третьемъ

курсѣ мы уже были на первомъ планѣ, считались первыми студентами (хотя я собственно отвѣчалъ, большею частію, плохо на репетиціяхъ) и получали при томъ вѣсъ студентовъ старыхъ.

На третьемъ курсѣ нашемъ, помню я, вошелъ однажды въ аудиторію одинъ студентъ, и сѣлъ вдалекѣ отъ другихъ на задней лавкѣ; мы узнали, что это былъ П., доносившій на Декампа, бывшій, по этой причинѣ, въ отлучкѣ все это время и вновь поступившій студентомъ въ словесное отдѣленіе. Лицо его было блѣдно; онъ имѣлъ несчастный, жалкій видъ. Никто не говорилъ съ нимъ, не подходилъ къ нему. Онъ постоянно былъ какъ бы отверженнымъ и потомъ не знаю куда дѣвался.

Строевъ держалъ списокъ у Декампа. Держать списокъ значило—дѣлать перекличку, а иногда и безъ переклички отмѣчать отсутствующихъ студентовъ. Эти списки не были въ употребленіи у профессоровъ, и, сколько помню, одинъ Декампъ придавалъ имъ значеніе. Онъ спросилъ Строева, передъ выпускнымъ экзаменомъ его курса, кому передать списокъ послѣ него? Строевъ назвалъ меня: я былъ очень не радъ, но студенты были довольны, ибо они знали, что я *абсовъ* ставить не буду.—Однажды, передъ лекціею Декампа, когда еще онъ не успѣлъ придти, студенты подошли ко мнѣ и объявили: „Аксаковъ, мы всѣ идемъ отъ Декампа". — „Полноте, господа, сказалъ я, останьтесь, какъ вамъ не стыдно? Вѣдь мое положеніе все же неловко".—„Нѣтъ, мы идемъ непремѣнно".—„Въ такомъ случаѣ и я иду съ вами",—сказалъ я, и мы всѣ вмѣстѣ вышли изъ аудиторіи, вошли въ переднюю, пошли за загородку, гдѣ висѣли наши шинели, надѣли ихъ и приготовились идти, — вдругъ является Декампъ; мы поспѣшно затворили изъ перегородки и ждали, пока Декампъ уйдетъ. Декампъ вошелъ въ аудиторію, спросилъ солдата, гдѣ студенты, и тотъ отвѣчалъ ему: ушли. — Какъ ушли? — Ушли.—Декампъ воротился въ

переднюю, вѣроятно съ тѣмъ, чтобъ ѣхать назадъ, какъ вдругъ увидалъ, сквозь плохо притворенную дверь, рукавъ студента Иванова. Декампъ отворилъ дверь,—и вся аудиторія, въ шинеляхъ, явилась ему въ полномъ собраніи. Я, какъ державшій списокъ, вышелъ впередъ и сталъ передъ Декампомъ. Est-ce que nous jouons à cache-cache? заговорилъ Декампъ.—Мы сняли шинели, вернулись въ аудиторію и сѣли по лавкамъ. Декампъ разъярился; исковерканнымъ русскимъ языкомъ приказалъ онъ солдату идти къ инспектору (тогда только заводился инспекторъ; его должность правилъ Клименко). „Я не знаю, гдѣ живетъ инспекторъ“, отвѣчалъ солдатъ, благоволя студентамъ.—Наконецъ, Сазоновъ всталъ, подошелъ къ каѳедрѣ и утишилъ гнѣвъ Декампа.

Сазоновъ считался первымъ студентомъ; я, кажется, вторымъ; на сколько справедлива была такая оцѣнка, это другой вопросъ. Сазоновъ точно былъ человѣкъ очень образованный, очень много читавшій, впрочемъ преимущественно Французскихъ писателей; но въ особенности онъ умѣлъ ловко себя держать, умѣлъ придавать себѣ вѣсъ. Я помню, случалось, что онъ не знаетъ того, о чемъ его спрашиваетъ профессоръ, отвѣчаетъ, ошибается, но все это съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ такой увѣренностью въ себѣ, что и профессору казалось, что Сазоновъ прекрасно отвѣчаетъ. Если профессоръ поправлялъ явную ошибку Сазонова, Сазоновъ соглашался на поправку профессора, или какъ бы съ снисхожденіемъ, или же какъ на дѣло, ему совершенно извѣстное, но о которомъ онъ, странно въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто позабылъ. И такъ, я тогда же увидалъ и замѣтилъ этихъ мастеровъ, дѣйствующихъ такъ ловко не на одной студентской лавкѣ, но и въ жизни,—этихъ ловкихъ людей, небрежныхъ повидимому, но такъ умѣющихъ себя выставить, и такъ искусно, что увидятъ все, что имъ хотѣлось выставить, а не увидятъ того только, какъ

они себя выставляютъ.—Конечно, со временемъ должна раскрыться эта тайна, долженъ быть замѣченъ и оцѣненъ ихъ талантъ, но, конечно, не вдругъ, и конечно не всѣми. Впрочемъ тутъ много зависитъ отъ степени мастерства. — Я говорилъ Сазонову о его ловкости, онъ смѣялся и совѣтовалъ мнѣ также дѣйствовать. Но такой образъ дѣйствій былъ мнѣ совершенно противоположенъ, и такого мастерства я никогда не хотѣлъ и не хочу.—

На второй курсъ, когда мы были на третьемъ, поступилъ къ намъ въ аудиторію невыносимѣйшій студентъ С., забіяка, и трусъ, и шутъ, въ одно и тоже время. Однажды онъ до того приставалъ къ К., что тотъ ударилъ его въ лицо и разшибъ ему носъ до крови. Вотъ я такъ и пойду къ инспектору! заревѣлъ С.—Стой! закричали студенты, не смѣй ходить; мы это дѣло покончимъ сами. — Студенты подошли съ С. къ К. и окружили ихъ обоихъ.—„К., ты ударилъ С.? проси прощенья“. К. медлилъ. „Проси прощенья!“ крикнули студенты. „Прошу“ сказалъ К. Ободренный С. закричалъ, торжествуя: „нѣтъ, скажи: прошу прощенья“! Слова его, при его нелѣпомъ голосѣ и выраженіи торжества на лицѣ, возбудили всеобщій смѣхъ. К. сказалъ: прошу прощенья, и судъ окончился.

Во время наше, каждый мѣсяцъ, въ субботу кажется, заставляли студентовъ всходить на каѳедру и читать что-то въ родѣ лекціи. Дѣло это не пошло и на это не настаивали. Кажется, произошло такое учрежденіе послѣ чтенія лекцій при министрѣ, чтенія, крайне неудачнаго. Зная, что будетъ такое чтеніе, Ив. Ив. Давыдовъ заранѣе взялъ свои мѣры и сказалъ нѣкоторымъ студентамъ приготовиться, въ томъ числѣ и мнѣ. Впрочемъ на меня, кажется, онъ мало надѣялся. Въ назначенный день явился министръ, въ сопровожденіи многочисленныхъ посѣтителей. Вызванъ былъ Толмачевъ, взошелъ на каѳедру, и сильно сразился. За нимъ вышелъ С., вралъ немилосердо, только и слышалось:

нуменонъ, феноменонъ. Уваровъ пустился съ нимъ въ разсужденіе, и когда С. окончилъ свое вранье, сказалъ, что, по крайней мѣрѣ, С. говорилъ *свое*; а тотъ, подходя къ намъ, выговорилъ только: посмотри-ко, какъ я вспотѣлъ. — Послѣ двухъ такихъ неудачъ, очередь дошла до меня; я долженъ былъ читать о лирической поэзіи. Сконфузившись сильно, я не вдругъ заговорилъ; да надо было и сообразить сперва, что говорить, ибо я не ожидалъ, что буду читать лекцію.—Уваровъ сказалъ: вы конфузитесь, я отодвинусь въ сторону. Я наконецъ заговорилъ. Уваровъ приписалъ это тому, что онъ отодвинулся. Кой-какъ продолжалъ я жалкую лекцію, говорилъ о Державинѣ, о томъ, что онъ не чуждался простонародныхъ словъ, и привелъ стихи:

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушьми прядетъ.

„Гдѣ же тутъ простонародное слово?“ спросилъ меня Уваровъ. Морда, отвѣчалъ я ему. — Онъ былъ очень доволенъ. Лекція окончилась; другихъ чтеній, сколько помню, не было. Студенты говорили, что я еще хорошо прочелъ; но я зналъ, что весьма плохо.

Въ 1835 году праздновали день основанія университета, ровно 20 лѣтъ тому назадъ; мнѣ было семнадцать лѣтъ. Однажды Давыдовъ, послѣ или прежде своей лекціи, объявилъ мнѣ, что профессора просятъ меня написать стихи на этотъ день; Давыдовъ, говоря это, обнималъ меня какъ-то съ боку, называлъ: товарищъ. Я согласился охотно, и здѣсь долженъ повиниться въ томъ, что и теперь лежитъ на моей совѣсти. Въ извиненіе себѣ скажу, что я тогда еще многаго не успѣлъ себѣ опредѣлить. — Я зналъ, что надобно придѣлать оффиціальное окончаніе, и чтобъ облегчить себѣ эту необходимость, я окончилъ свои стихи стихами Мерзлякова, въ которыхъ собственно лести нѣтъ, но которые имѣютъ казенный отпечатокъ.

Вотъ эти стихи:

Цвѣти нашъ вертоградъ священный,
Крѣпися въ силахъ, зрѣй въ плодахъ,
Какъ былъ, пребуди неизмѣнный
Общественныхъ источникъ благъ!
Подъ Николаевымъ покровомъ
Явись въ величьи, въ счастьи новомъ!

Въ доказательство, какъ были еще не ясны мои мнѣнія, я могу привести слѣдующіе стихи изъ того же моего стихотворенія.

И Русь счастлива! Геній мочный,
Великій царь страны полночной
Возсталъ, и смѣлою рукой
Разбилъ невѣдѣнья оковы,
И просвѣщенья свѣточь новый
Зажегъ въ странѣ своей родной.
Онъ нетерпѣніемъ кипѣлъ
И, мысль упреждая время,
Насильно вырастить хотѣлъ
Едва посаженное сѣмя;
Но сѣмя то, изъ рукъ Петра,
На почву добрую упало,
И подвигъ славы и добра
Елисавета продолжала!

Написавъ свои стихи, я долженъ былъ пріѣхать къ Давыдову и ихъ ему прочесть; онъ принялъ стихи, исключивъ только начало, какъ неидущее къ дѣлу. Стихотвореніе начиналось такъ:

Когда Создатель жизни бремя
На человѣка наложилъ,
То разума святое сѣмя
Въ его главу онъ заронилъ.
И сѣмя чудное созрѣло,
И плодъ богатый принесло:
И слово обратилось въ дѣло,
И дѣло въ слово перешло.

Пришло 12 Января 1835 года. Круглая зала въ боковомъ правомъ строеніи стараго университета была уставлена креслами и стульями; каѳедра стояла у стѣны. Зала наполнилась университетскими властями, профес-

сорами и посѣтителями; во глубинѣ ея толпились студенты. Кубаревъ читалъ Латинскую рѣчь, конфузясь и робѣя такъ, что шпага его тряслась. Наконецъ онъ кончилъ; я взошелъ на каѳедру. Въ началѣ я смутился и читалъ невнятно. Наконецъ смущеніе прошло, я громко читалъ свои стихи, и обратясь къ своимъ товарищамъ, прочелъ съ одушевленіемъ:

И вмѣстѣ мы сошлись сюда,
Съ краевъ Россіи необъятной,
Для просвѣщеннаго труда,
Для цѣли свѣтлой, благодатной!
Здѣсь развивается нашъ умъ
И просвѣщенной пищи проситъ;
Отсюда юноша выноситъ
Зерно благихъ полезныхъ думъ.
Здѣсь крѣпнетъ воля, и далекой
Виднѣй становится намъ путь,
И чувствомъ истины высокой
Вздымается младая грудь!

Я видѣлъ, какъ на нихъ подѣйствовало чтеніе. Только я окончилъ стихи,—раздались дружныя рукоплесканія профессоровъ, посѣтителей и студентовъ... Товарищи мои были въ самомъ дѣлѣ очень довольны.

На третьемъ курсѣ, не задолго до экзаменовъ, рѣшились мы, я, Сазоновъ и Дм. Топорнинъ, кажется, брать уроки Греческаго языка у Ивашковскаго. Съ нашей стороны это было captatio benevolentiae; я Греческій языкъ, на второмъ и третьемъ курсѣ, почти позабылъ, другіе двое были тоже плохіе эллинисты. Мы пріѣзжали къ нему по вечерамъ брать уроки. Ивашковскій былъ самый плохой преподаватель, особенно какъ профессоръ; но былъ человѣкъ ученый и Греческій языкъ зналъ отлично. На этихъ урокахъ увидалъ я, что можно бы много было воспользоваться знаніями и замѣчаніями Ивашковскаго. Я помню одно его замѣчаніе о Гомерѣ, чрезвычайно вѣрное,—и которое, не знаю, сдѣлалъ ли кто другой? „Замѣтьте“, говорилъ Ивашковскій, „что Гомеръ никакого явленія

въ природѣ не изображаетъ безъ присутствія человѣка, безъ свидѣтеля этого явленія; древнее созерцаніе допустить этого не можетъ, по самой полнотѣ своей. Гомеръ говоритъ: *раздался громъ, задрожала земля,—и пастырь слышитъ и скрывается*". Замѣчаніе чрезвычайно вѣрное и кидающее свѣтъ на созерцаніе древняго міра; разумѣется, высказано оно было не ловко, и въ пересыпку съ „*будетъ*".

Когда мы перешли на третій курсъ, на первый курсъ вступило много молодыхъ людей изъ, такъ называемыхъ, аристократическихъ домовъ; они принесли съ собою всю пошлость, всю наружную благовидность, и все это бездушное приличіе своей сферы, всю ея зловредную свѣтскость. Аристократики сшили себѣ щегольскіе мундирчики и очень ими были довольны, тогда какъ студенты доселѣ старались какъ можно рѣже надѣвать свое форменное платье. Аристократики пошли на встрѣчу требованіямъ начальства. Отъ насъ не требовали форменныхъ шинелей, и мы носили партикулярныя; новые студенты сшили себѣ сейчасъ форменныя шинели; начальство это утвердило и стало требовать форменныхъ шинелей. Мы являлись только въ публичныхъ мѣстахъ въ формѣ, во всѣхъ другихъ мѣстахъ, даже на большихъ балахъ и на улицѣ, мы носили партикулярное платье; аристократики появились въ своихъ щегольскихъ мундирчикахъ всюду; начальство было довольно и стало требовать постояннаго ношенія формы. Мы продолжали ходить по прежнему, и я знаю, что насъ уже не хотѣли трогать, а ждали, пока мы выйдемъ изъ университета. Сурово смотрѣли старые студенты на этихъ новыхъ поклонниковъ форменности, предвидѣли бѣду и держали себя съ ними гордо и далеко. Вся эта молодая щегольская ватага наводняла нашу словесную аудиторію, во время лекцій Надеждина, которому поручено было на третьемъ курсѣ читать логику, которую обязанъ былъ слушать и первый курсъ. Мы не пускали къ себѣ на лавки

этихъ модниковъ, отъ которыхъ вѣяло бездушіемъ и пустотою ихъ среды. Прежде Русской языкъ былъ единственнымъ языкомъ студентскимъ; съ этихъ поръ началъ раздаваться въ аудиторіи языкъ Французскій. Не даромъ было наше враждебное чувство; пошлая форменность, утонченная внѣшность—завладѣли университетомъ и принесли свои гнилые плоды.

Передъ самымъ нашимъ выходомъ изъ университета, Надеждинъ оставилъ профессорство, и мы: я, Сазоновъ, Толмачевъ, Дм. Топорнинъ, поднесли ему кубокъ. Мы явились на сей разъ въ полной формѣ, желая придать дѣлу торжественность.

Между тѣмъ, приблизились выпускные экзамены. Они сошли благополучно. — На экзаменѣ Давыдова, бывшемъ въ вечеру, я, отвѣчавъ, долженъ былъ написать тутъ же нѣчто въ родѣ сочиненія; я написалъ и подалъ. Голохвастовъ принялся читать и потомъ подозвалъ меня. „Аксаковъ, какъ это вы написали *нынче*? Развѣ это можно?“ спросилъ онъ. „Отъ чего же нѣтъ, отвѣчалъ я, слово—вполнѣ Русское“.—„Но этого нельзя писать“. — „Да отъ чего же? вѣдь мы говоримъ это слово“.—Голохвастовъ обратился къ Давыдову, который отвѣчалъ тѣмъ, что спросилъ меня: „развѣ вы слышали съ каѳедры такое слово?“ — „Не помню, отвѣчалъ я, но слово тѣмъ не менѣе законно“. — „Какъ вы думаете, Иванъ Иванычъ, сказалъ Голохвастовъ, вѣдь это показываетъ упадокъ языка?“ — Споръ продолжался; и я, желая прекратить его и идти домой, сказалъ: „ну, хорошо, я вамъ уступаю это слово“. Сказавши это, я пошелъ отъ нихъ. Il est bien bon, il nous céde, сказалъ мнѣ вслѣдъ Голохвастовъ. Наконецъ экзамены окончились, и я вышелъ кандидатомъ.

На одной изъ лекцій, передъ выпускомъ нашимъ, увидали мы въ числѣ слушателей, на лавкѣ, въ сторонѣ,— генерала. Это былъ графъ Строгоновъ. Онъ былъ предвозвѣстникомъ новаго порядка, который, вскорѣ послѣ нашего выхода, и завелся въ университетѣ.

Скажу въ заключеніе.—Въ наше время профессорское слово было часто бѣдно, но студентская жизнь и умственная дѣятельность, неразрывно съ нею связанная, не были подавлены форменностью и приносили добрые плоды. Въ послѣдующее время, со стороны профессоровъ, слово, быть можетъ, стало вообще ученѣе и умнѣе, но за то студентская жизнь и весь университетъ подчинились вліянію форменности. Студенты скоро начали увлекаться прелестью свѣтской пустоты и приличными манерами. Внѣшность, не смотря на всевозможное свое изящество, или лучше—тѣмъ сильнѣе, проникаетъ въ живую душу и оцѣпеняетъ внутреннюю и всю духовную, единственно нужную сторону человѣка.

Сила внѣшности растетъ, и надо ожидать, что университетъ обратится скоро въ корпусъ, а студенты въ кадетовъ.

12 Января 1855 г.

Слава Богу! Это ожиданіе не сбылось. Просвѣщеніе теперь уважается, и ему дается ходъ.

(Позднѣйшая приписка автора, сдѣланная, вѣроятно, тогда, когда дозволено было студентамъ поступать въ университетъ безъ ограниченія въ числѣ).

К. С. Аксаковъ.

(**Колоколъ**, 15 января 1861 года).

Вслѣдъ за сильнымъ бойцемъ славянизма въ Россіи, за *А. С. Хомяковымъ*—угасъ одинъ изъ сподвижниковъ его, одинъ изъ ближайшихъ друзей его—*Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ* скончался въ прошломъ мѣсяцѣ.

Рано умеръ Хомяковъ, еще раньше Аксаковъ; больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей, благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ *противниковъ*, которые были ближе намъ многихъ *своихъ*. Съ нелѣпой силой случайности спорить нечего, у ней нѣтъ ни ушей, ни глазъ, ее даже и отдѣлить нельзя, а потому со слезой и благочестіемъ, закрывая крышку ихъ гроба, перейдемъ къ тому, что живо и послѣ нихъ.

Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ—*сдѣлали свое дѣло*; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъ-егерской тройки, посланной Петромъ, въ которой сидитъ Бирономъ и колотитъ ямщика, чтобы тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей,—то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли*. И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но не *одинакая*.

У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ *сердце билось одно.*

Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно долюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнатѣ было намъ душно: все почернѣлыя лица изъ-за серебренныхъ окладовъ, все попы съ причетомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачъ объ утраченномъ счастіи раздиралъ намъ сердце; мы знали, что у нея нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній... Мы знали и другое, что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ,—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство. А пока —

Mutter, Mutter, lass mich gehen,
Schweifen auf die wilden Höhen!

Такова была наша семейная разладица лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, и мы встрѣтили *горный духъ*, остановившій нашъ бѣгъ, и они, вмѣсто міра мощей, натолкнулись на живые русскіе вопросы. Считаться намъ странно, патентовъ на пониманіе нѣтъ; время, исторія, опытъ сблизили насъ—не потому, чтобъ они насъ перетянули къ себѣ, или мы ихъ, а потому, что и они и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ

статьяхъ, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей.

На этой вѣрѣ другъ въ друга, на этой общей любви имѣемъ право и мы поклониться ихъ гробамъ и бросить нашу горсть земли на ихъ покойниковъ, съ святымъ желаніемъ, чтобъ на могилахъ ихъ, на могилахъ нашихъ—расцвѣла сильно и широко молодая Русь!

А. Герценъ.

Настоящее изданіе выполнено подъ наблюденіемъ Е. А. Ляцкаго. Обложка работы художника Н. Н. Краузе. Портретъ исполненъ въ мастерской Н. И. Бутковской. Набрано и отпечатано въ Типографіи Акціонернаго Общества Типографскаго Дѣла въ С.-Петербургѣ.

Имѣются въ продажѣ изданія Л. Э. Бухгеймъ:

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ М. К. РЕЙХЕЛЬ и письма къ ней А. И. Герцена. Съ 4 портретами. М. 1908. Цѣна 1 р.

А. Н. ПЫПИНЪ. МОИ ЗАМѢТКИ. Съ приложеніемъ статей „Два мѣсяца въ Прагѣ" и „Вячеславъ Ганка". Подъ ред. В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. Цѣна 2 р.

К. С. АКСАКОВЪ. Воспоминаніе студентства (1832—1835 гг.). Съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. СПб. 1911. Цѣна 60 к.

Складъ изданія—Москва, Покровка, Введенскій пер., 28, Л. Э. Бухгеймъ.

Изданія Т-ва „ОГНИ":

КЪ НОВЫМЪ ДАЛЯМЪ. Сборникъ стихотвореній современныхъ поэтовъ (1900—1910). Составила Л. Д. Свербеева. Изящное изданіе. Цѣна 90 к.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ. Суриковъ. Текстъ В. А. Никольскаго. Портретъ художника и семь репродукцій съ его картинъ. Цѣна 1 р.

БЫЛИНЫ. Старинки богатырскія. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Изданіе художественное. Цѣна 2 р.

Печатаются:

Е. И. ПОПОВА. Дневникъ изъ московской жизни 40-хъ годовъ. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ. Пювисъ де-Шаваннъ. Текстъ Я. А. Тугендхольда. Со многими репродукціями.

Складъ изданій т-ва „Огни" — при типографіи Акционернаго Общества Типографскаго Дѣла — „Герольдъ", СПб., 7 рота, 2[illegible].

Обращающіеся съ требованіями по адресу — СПб., Суворовскій пр., д. [illegible] А. В. [illegible], за пересылку не платятъ.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0002504212 3